ПРИНЦИПЫ ЕДИНСТВА И ГАРМОНИИ КИТАЙСКОГО БУДДИЗМА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

YANGUTOV, L.E. /ЯНГУТОВ, Л.Е.
RUSYA/RUSSIA/РОССИЯ

Все сущее непротиворечиво, едино и гармонично – вот главная идея буддизма, получившего широкое распространение в странах Азии. Эта идея составляет не только внутреннее содержание философских и религиозных принципов буддизма, но и определяет внешнее лицо буддизма в его духовно-нравственной, политической, и социальной практике.

За всю свою историю развития у себя на родине и в других странах, буддизм не знал ни одной войны, развязанной им на религиозной почве во имя утверждения собственных идей. Его шествие по странам и континентам всегда была мирным. Не было антагонизма и вооруженных конфликтов внутри его школ и направлений. Адепты буддийских школ не рассматривали учения друг друга как еретические. Каждое учение воспринималось ими как равнозначный путь к спасению. Разногласия, решавшиеся в дискуссиях, сводились к спорам о степени эффективности того или иного пути, за каждым человеком признавалось право выбора собственного пути спасения.

В буддизме нашли гармоничное сочетание светское и религиозное начала. Философия не воспринималась как служанка богословия, она развивалась в тесной связи с сотериологией. Сотергиология выступала доминантой буддийского комплекса, составляя его динамическую часть. Философия же выступала теоретическим обоснованием сотериологических изысканий, составляя при этом консервативную часть буддийского комплекса.

Консервативность философии, равно как и динамичность сотериологии, их тесная взаимосвязь логически вытекали из основного положения буддизма, сформулированного в четырёх благородных истинах.

Две первые истины явились основополагающими принципами для теоретических построений всех школ и направлений, они составляют ту мировоззренческую устойчивость, которая позволила идентифицировать их учения как буддийские, а две последние – динамику, обусловившую эволюцию и разнообразие этих школ.

Буддизм, проникший в Китай на рубеже нашей эры, привнес туда индийскую модель, отрицающую наличие противоположностей. Эта модель гармонично вписалась в китайское мировосприятие, рассматривающее противоположности в единстве и непротиворечивости. Это мировосприятие восходит к глубокой древности к представлениям об Инь и Ян. Инь и Ян – это две основополагающие категории древнекитайской философии, которые находятся в постоянной оппозиции. Первая олицетворяет землю и луну, женское, темное, мягкое и т.д. начала, вторая - небо и солнце, мужское, светлое, твердое и т.д. начала. Однако оппозиция Инь и Ян – это не есть противостояние, не есть борьба. Эта оппозиция – отражение дуализированности сущего. Сущее таково. Инь и Ян не борются, они взаимодействуют. Одно не мыслится без другого. Инь и Ян участвуют в процессе становления мира. В известной даосской формуле «Дао рождает одно; одно рождает два; два рождает три; три рождает тьму вещей», под «два» понимаются Инь и Ян, которые рождаются от ци («одно»). Инь и Ян это не просто порождения ци, это две его ипостаси.

Представления об Инь и Ян наложили отпечаток на восприятие китайцами мира как единого, непротиворечивого. В даосской философии эта идея получила свое развитие в учении о Дао, в котором все мыслится в единстве, непротиворечивости и целостности. Противоречия не противопоставляются, как и не противопоставляются субъект и объект. Эти идеи были столь значимыми в даосизме, что дальнейшее их развитие привело своеобразному релятивизму, выраженному даосским мудрецом Чжуан-цзы: «Огромнейшее в Поднебесной – кончик пушинки; мельчайшее – гора Великая. Нет жизни долговечнее, чем у того, кто умер младенцем; Пэн Цзу же (легендарный долгожитель – Л. Я.) умер преждевременно. Вселенная родилась вместе с нами, тьма вещей с нами едина. Если все едино, то к чему слова? Если уже все названо единым, к чему молчать?» (цит. по 1; с.143). Философия Чжуан-цзы провозгласила идею гармонии сущего. Идея гармонии сущего дополнялась даосскими принципом недеяния

(у вэй), суть которого состояла в невмешательстве в естественный порядок вещей, не нарушении Дао, также принципом естественности (цзы жань), согласно которому Дао следует самому себе. В Философии Ван Чуна (1в.н.э.) у вэй и цзы жань рассматривались как синонимы.

Идея единства противоположностей нашла свое отражение в учении сэань сюэ. Её основоположник Ван Би (226-249 выделил оппозицию двух противоположных категорий «отсутвия» (у) и «наличия» «ю) в качестве самостоятельной онтологической проблемы. Отождествив «отсутствие» с Дао, Ван Би заострил свое внимание на Дао как субстанциональной основе всего сущего, исключив его из космологического контекста. «Отсутствие» в его учении рассматривается в неразрывном единстве с категорией «наличия». Если в китайском мировосприятии субъект не противопоставлялся объекту, то в индобуддийской модели отрицалась сама оппозиция субъекта и объекта. Принцип не противопоставления субъекта и объекта наложил характерный отпечаток на менталитет китайцев, рассматривающий человека и внешний мир, человека и природу в гармоничном единстве. Принцип отрицания оппозиции субъекта и объекта делает акцент на восприятии человеком внешнего мира и природы в неразрывном, гармоничном единстве с собой. Такое восприятие обосновывается идеей не-преграды между истинным бытием (нирваной) и феноменальным миром, не-преграды между всеми вещами и явлениями феноменального мира.

Идея не-преграды, единства и гармонии нашла свое наиболее полное и завершенное обоснование в концепции «Десяти сокровенных врат». Суть их такова:

1. Истинное бытие и феноменальный мир существуют одновременно. Неверно, что в мире что-то возникает раньше, а что-то позже. Нет здесь причинной обусловленности, когда одна вещь порождает другую и является первичной по отношению к ней во времени. Так же неверно, что истинная реальность первично по отношению к иллюзорному бытию и генетически предопределяет его. Истинная реальность и иллюзорное бытие тождественны друг другу, так же как все вещи и явления иллюзорного бытия тождественны друг другу, а каждое из них – всем остальным.

2. Единство и гармония сущего подобны жемчужным сетям Индры. Сеть Индры, согласно преданиям, состоит из жемчужин. В одной жемчужине отражается вся сеть в целом и все остальные жемчужины.

Одновременно эта жемчужина отражается во всех остальных жемчужинах. Точно так же каждая жемчужина, отражая в себе всю сеть, одновременно отражается в другой жемчужине, отражающей одновременно все остальные жемчужины и отраженные, в свою очередь, в других и так без конца. Подобно сети Индры, крошечная пылинка включает в себя все остальные пылинки, одновременно содержась в каждой из них и т.п. Большое включает в себя малое, малое — большое. Нет конца и предела взаимному проникновению и включению.

3. Скрытое и явное составляют единое целое. Явное предполагает скрытое, скрытое предполагает явное, они всегда в единстве. Когда просветленный ум созерцает истинную природу вещей, перед ним «отступают» их внешние иллюзорные оболочки и на передний план выступает то, что действительно характеризует вещь как таковую. Но здесь не может быть речи о том, что иллюзорная оболочка исчезает совсем. Когда просветленный ум наблюдает за вещью, тогда на передний план выступают ее внешние иллюзорные свойства, истинная природа отступает на задний план, присутствуя в вещи. То, что явно предстает невооруженному взгляду, скрывает в себе то, что постигается в самадхи. Скрытое и явное не находятся в отношениях первичного и вторичного, они равнозначны .

Это подобно осеннему небосводу, когда полумесяц на небосводе освещает землю, и виды дня и ночи совмещаются (2; л. 35 об).

4. Тонкое и крошечное, находящееся вне пределов восприятий человека, так же как и воспринимаемые человеком предметы, устанавливаются и существуют как взаимопроникающие и взаимообусловленные со всеми предметами и явлениями мира. Выражаясь современным языком, микромир находится в состоянии взаимообусловленности, взаимопроникновения с макромиром. Один из авторов концепции «десяти сокровенных врат» Чжи Янь излагает эту мысль на примере с мельчайшей пылинкой, которая вмещает в себя весь огромный мир, в то же время продолжает оставаться мельчайшей пылинкой.

5. Время делится на прошлое, настоящее, будущее. Каждое из этих трех времен, в свою очередь, делится на три времени: прошлое, настоящее, будущее. Таким образом, каждое из трех времен имеет еще по три времени. В конечном итоге мы имеем девять времен, а вместе все десять времен составляют одно мгновение. Каждое из времен,

включающих в себя прошлое, настоящее, будущее существует во взаимной связи и взаимной обусловленности с другими, составляя с ними единое целое, но при этом мыслится отдельно от других, сохраняя, или (если быть ближе к тексту) не теряя свой особенный вид. Это подобно тому, что сон одной ночи может охватить сто лет (2; л.35 об).

6. Все, кто хранит и чистое и загрязненное, обладают в полной мере добродетелью (истинностью).

Основные принципы этих врат выражены в учении о Татхагата-гарбхе. Согласно этому учению, Татхагата-гарбха изначально содержит в себе природу чистого и загрязненного. Загрязненный аспект лежит в основе проявления феноменальных явлений и трактуется как природа Будды, содержащаяся во всех вещах и явлениях. Чистый аспект Татхагата-гарбхи лежит в основе просветленности и трактуется как чистая природа нирваны. Оба аспекта мыслятся в единстве. Чжи Янь пишет, что между чистотой и загрязненностью нет преград, поэтому все, кто хранит чистоту и загрязненность, в полной мере обладают добродетелью (истинностью). Иначе говоря, каждый обладает природой Будды и каждый может достичь спасения, независимо от того, насколько омрачено его сознание.

7. Одно и многое взаимно вмещаются друг в друге. При этом они не-тождественны. Всё содержит одно, входит в одно. Всё содержит всё, входит в одно. Всё содержит одно, входит во все. Всё содержит всё, входит во всё. Одно содержит всё, входит в одно. Одно содержит одно входит во всё. Одно содержит всё, входит во всё. Одно содержит одно входит в другое одно.

Всё это называется взаимным вмещением. При этом всё и одно не находятся в отношениях первичного и вторичного во времени, оба существуют одновременно, и каждое не теряет собственного вида. Одно не теряет вид одного, многое не теряет вид многого, поэтому о них говорится, что они, вмещаясь друг в друга, не являются тождественными. Это подобно тому, что если в зале находится тысяча свечей, то свет каждой свечи включает в себя свет остальных, а вместе они освещают весь зал (2; л.35).

8. Виды всех дхарм находятся на своем месте. Здесь раскрываются смысл тождества и различия всех дхарм. Под видами всех дхарм подразумеваются воспринимаемые нашими органами чувств внешние

образы эмпирического мира. Смысл этих врат раскрывается в учении о шести видах, где говорится, что каждый предмет одновременно обладает видом целого и части, тождества и различия, установления и разрушения. Целое состоит из частей, части составляют целое. Без частей нет целого, без целого нет частей, но при этом целое остается целым, а части, составляя целое, сохраняют свой единичный вид, остаются на своем месте.

9. Существует только сознание. Вне сознания нет ничего — ни трех миров (мира чувств, форм и не-форм), ни пустоты, ни рождения, ни смертей. Это сознание называется единым сознанием, которое отождествляется с истинно сущим. Оно включает в себя индивидуальные сознания, представляющие собой омраченный аспект истинно сущего. Здесь единство и гармония, всеобщая взаимосвязь и не-преграда представлены на уровне сознания, которые сводятся к следующему.

Истинная сущность, будучи целостной и неделимой, содержится во всех индивидуальных сознаниях одновременно, целиком и полностью.

Индивидуальные сознания, будучи не похожими друг на друга, обладают одной и той же природой, составляющей их истинную сущность, которая не делится на части и содержится в них одновременно.

Истинная сущность, содержась целиком и полностью во всех индивидуальных сознаниях, одновременно тождественна всем, однако продолжает оставаться вне данного конкретного психического состояния каждого из них, поэтому отличается от каждого из них.

Все индивидуальные сознания, обладающие одинаковой сущностью, тождественны друг другу, но из-за своей омраченности проявляются как не похожие друг на друга.

Истинная сущность имманентна индивидуальным сознаниям и не может мыслиться вне их; ее существование возможно лишь как имманентное индивидуальным сознаниям. Ее неадекватность психическому состоянию каждого из сознаний не означает дуализма истинной сущности и индивидуального сознания. Представления о дуализме возникают вследствие омраченности сознания, не осознающего своей тождественности истинной природе. Индивидуальное сознание не есть производное от истинной сущности,

а есть тождество с ним. Но тождество в данном случае — это не абсолютное равенство. Оно подобно тождеству нирваны и сансары, рассмотренному в психологическом контексте.

10. Здесь развивается мысль о единстве абсолютной реальности и феноменального бытия. Через постижение изначально непротиворечивой природы феноменального бытия мы постигаем истинную реальность. Поэтому учение о не-преграде между вещами и явлениями эмпирического мира — это и есть учение об истинно сущем. Не-преграда между вещами и явлениями эмпирического мира — это отражение единства и гармонии сущего, это есть истинное бытие (о концепции «Десяти сокровенных врат» см.: 3; с23-29).

Идея единства и гармонии сущего «Десяти сокровенных врат», дополненная учением буддизма о десяти негативных и десяти благих деяниях, суть которых сводилась к принципу «не навреди окружающему» имела мощный этический резонанс, обуславливающий отношение человека к окружающему его миру. Принцип «не навреди окружающему» в свете буддийского понимания единства и гармонии приобрел формулу «не навреди себе». В конечном итоге принцип «не навреди окружающему» рассматривался как тождественный принципу «не навреди себе», ибо нанося ущерб окружающему, на самом деле, ты наносишь ущерб себе, нанося ущерб себе, наносишь ущерб окружающему. Все едино, взаимозависимо, взаимообусловлено и гармонично.

Идея единства и гармонии – это не только внутреннее содержание буддизма, но и внешнее его проявление. За всю свою историю буддизм никогда не отступал от этих принципов. И сегодня, выступая с призывами внутреннего мира и согласия с окружающей внешней средой, буддизм своим примером терпимости, ненасилия и уважения чужой культуры, демонстрирует возможность достижения в этой жизни идеалов единства и гармонии. Это дает все основание утверждать, что в современных условиях глобализации, когда перед человечеством встают острые проблемы, связанные с терроризмом, экологическими катастрофами и информационной насыщенностью, все более возрастает роль религий в решении этих проблем. И в этой ситуации буддизм продолжает сохранять свою политическую актуальность, научную значимость, и практическую востребованность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Позднеева Л.Д. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. - М., 1968.

2.Фоцзяо чжун сюэ кэбэнь [Б.м.], [б.г.]

3.Чжи Янь. Хуаянь и чэн ши сюань мэнь // Чжунго фоцзяо сысян цзыляо сюань бянь. Т.2, ч.2. - Пекин, 1983.